

Микросистема цвета с индоевропейским корнем *g^hel: g^hol

© 2008 С.В.Кезина

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского

Изучение цветолексем в диахроническом поле позволяет выявить основные этапы и особенности их эволюции: все цветоименования в истории языка развивают синкретичные значения; цветовые синкреты распадаются, выделенные из них значения различно актуализируются в родственных языках; цветолексеммы развивают оценочные значения, оценочность носит полярный характер; историческая многозначность детерминирует валентность слов со значением цвета.

В диахроническом поле с и.-е. корнем *g^hel: g^hol был развит следующий цветовой locus: голубой, зеленый, желтый, золотой. Семантические рефлексы микросистемы цвета свидетельствуют о том, что в истории цветовой семы имело место создание синкрет, что подтверждают их сохранившиеся фрагменты (ирл. *glass* «зеленый, серый, голубой», др.-инд. *kā las* «сине-черный», др.-инд. *harita* «желтый, зеленый», греч. *χλωρός* «сине-зеленый» и «желто-зеленый»). Микросистема цвета формировалась на базе исконного значения «цвет вообще». Первичная цветовая сема, как и значение этимона в диахроническом поле, носила обобщенный характер, что объясняется целостностью первичного отражения любого предмета или явления окружающей действительности. В ходе эволюции цветовой диапазон расширялся, создавались цветовые синкреты, которые впоследствии распадались, различно актуализируясь в одном и в нескольких языках. Ср.: русск. *желтый* «цвета яичного желтка, зрелого лимона, зрелых злаков, золота» – нем. *gelb* «желтый» – лат. *helvus* «янтарно-желтый», «цвета меда» – др.-инд. *hāri* – «светлый, желтый» – лит. *žilas* «серый», «седой» – вост.-лит. *žėl̃tas* «золотой» – др.-прусск. *golimban* «голубой» и «синий» – лтш. *zilgans* «голубоватый» – лит. *gelumbe* «синее сукно» – укр. *голубы́й* «синий» – ирл. *gel* «белый» – сербск. *зелен* (конь) «серовато-белый» – хорв. *zelenko* «конь белой масти» – сербск. *зеленко* (о коне) «белый, с белыми яблоками» – совр. сербохорв. *zēl̃enko* «серый» (о лошади) – русск. *зеленый* «цвета травы, листвы» – русск. *золотой* «блестяще-желтый, цвета золота» – русск. *голубой* «светло-синий, цвета незабудки».

Говоры значительно расширяют семантический диапазон цветолексем, восходящих к и.-е. корню. Следует отметить, что в говорах мы находим значения, не отраженные ни в письменных источниках, ни в устном народном творчестве, ни в современных языках. Уникальный материал сохранился по слову *голубой*: в русск. говорах колорема *голубой* имеет значения «желтый» (в цвете птиц); «пепельный» (голубой конь, голубая корова); «серо-дымчатый с белым» (голубая курица); «черный с белым серебристым» (голубая лисица – чернобурка); «сиреневый» (голубая лошадь – лошадь сиреневой масти); «светло-серый»; «сизый» (голубая лошадь), «иссиня-черный» (голубая лошадь); «светло-синий, лазоревый, ярко-небесного цвета». Говоры других славянских языков дополняют диапазон обозначаемых цветовых оттенков: хорв. диал. *голуба* (о корове) «серая», укр. диал. *голубá* (об овце) «серая», босн. диал. *голубá* (о корове) «белая», укр.-блр. диал. *голубá* (о корове) «красная с белыми пятнами». Как видим, диапазон значений цветолексеммы *голубой* широк. Примеры, эксплицирующие семантику других лексем данного цветового локуса, дополняют цветовой диапазон. Словом *зелень* в русских говорах называют белку, сохраняющую летний рыжий цвет, а также шкурки белки с брюшком, обрамленным *красной* шерстью. Такие шкурки по-другому называются *зеленовыми*. Уникальное значение русского слова *золотой* берегут русские говоры – «бирюзовый». Это значение поистине реликт древней цветовой синкреты, позволяющий наиболее полно реконструировать ее. Слово *желтенький* в говорах отражено в современном значении.

Можно отметить лишь значение «*рыжеватый*» в качестве особенного.

Итак, данные и.-е. языков и славянских говоров позволяют определить следующий семантический диапазон у цветообозначений-когнатов *голубой, желтый, зеленый, золотой*: «желтый», «светло-серый», «серый», «пепельный», «серо-дымчатый с белым», «черный с белым серебристым», «сиреневый», «сизый», «иссиня-черный», «светло-синий, лазоревый, ярко-небесный», «белый», «красный с белыми пятнами», «рыжий», «бирюзовый». Реконструированный цветовой диапазон позволяет нам восстановить семантическую структуру родственных цветоименований, созданную в процессе развития цветовой семантики.

В семантической структуре цветового слова генерировались все перечисленные семы. Некоторые из них выделим особо. Прежде всего это сема «пестрый» (выражена она, конечно, может быть по-разному), которая позволяет предполагать многоцветный предмет-эталон при первичной номинации цвета и обобщенное значение исконной цветовой семы – «цветное, пестрое»: др.-инд. *kilā́ sas* «пятнистый, прокаженный» (о карасе), русск. диал. *голубой* «серо-дымчатый с белым», «черный с белым серебристым», укр.-блр. диал. *голубá* (о корове) «красная с белыми пятнами», ирл. *glass* «зеленый, серый, голубой» и др. Другая сема, обращающая на себя внимание, сема «светлый, блестящий»: русск. *золотой* «блестяще-желтый», *голубой* «светло-синий», др.-инд. *hári-* «светлый», др.-ирл. *gel* «блестящий». Н.Ф.Рябова значения «сверкающий, сияющий, мерцать» считает производными для цветообозначений, возводимых к и.-е. корням * *bhel-* и *ghel-*¹. Семы «пестрый» и «светлый, блестящий» древние, они, вероятно, присутствуют в семантической структуре цветовой лексемы изначально и указывают на предмет, цвет которого был положен в основу номинации. В связи с этим интересны результаты психолингвистического эксперимента, проведенного А.П.Василе-

вичем. В эксперименте участвовали представители 15 языков: славянских (русский, болгарский, сербохорватский), германских (английский, немецкий), романских (французский), иранских (таджикский, дари), а также финно-угорских (венгерский, эстонский), тюркских (узбекский, киргизский), семито-хамитских (амхарский), языка бамана и японского языка. Информанты (их 650 человек) получали сюжетные картины, которые необходимо было описать с использованием цветообозначений. Целью эксперимента являлось получение таким образом как можно большего числа слов со значением цвета с дальнейшим их анализом. Из полученных 4 тыс. ответов для анализа были взяты не все. Интерес представляют слова, которые не были признаны цветообозначениями. А.П.Василевич отмечает: «Надо сказать, что среди ответов попадались такие, которые, на наш взгляд, не являются названиями цвета, например, *яркий, прозрачный, грязный, блестящий, светлый, тусклый* и т.д. Другими словами, которые мы не включили в анализ результатов, были слова, передающие понятия «многоцветный», «с пятнами» (*пестрый, пегий, разноцветный, крапчатый* и т.п.). Заметим, что ошибки этого типа (а мы считаем такие слова ошибочными, поскольку они не передают значения цвета) встречались практически во всех языках. Из других слов, также признанных ошибками, отметим оценочные слова (красивый, поющий, кричащий)...»². Информанты, представляющие 15 языков, в том числе и неиндоевропейские, «извлекли» из своей памяти смыслы «многоцветный», «светлый», «оценка». Перечисленные смыслы были извлечены из памяти, потому что они сохранены в ней. Современные исследования по нейрофизиологии цветового зрения (сравнение перцептивного и семантического цветовых пространств, изучение нейронов на корковом уровне у животных) позволили предположить наличие в коре мозга особого экрана, образующего карту отображения цветов в долговременной памяти. А так как нейроны цветовой памяти (мнемический экран) связаны с нейронами речевых символов (стимулами второй сигнальной сис-

¹ Рябова Н.Ф. Пути образования и развития цветообозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel-* и *ghel-* в английском, латышском и русском языках) // Инновации на разных языковых уровнях. – Рига: ЛГУ им. Стучки, 1978.

² Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем. – М.: Наука, 1987.

темы), языковая память естественно сохраняет слова, соответствующие цветовым представлениям, меняющимся во времени. Иначе говоря, речь идет о памяти на двух уровнях: на уровне цветового восприятия и на уровне словесного обозначения. Специалисты по нейрофизиологии цветового зрения утверждают, что «способность человека сравнивать цветовые термины и оценивать различие между ними на основе сравнения соответствующих цветовых представлений предполагают, что нейроны речевых символов (стимулов второй сигнальной системы) связаны с нейронами цветовой памяти (мнемическим экраном)»³. Итак, перед нами не ошибка, как утверждает А.П.Василевич, а факт, свидетельствующий о том, что представление о цвете было связано с представлением о чем-то пестром, светлом (блестящем) и воздействующим на чувства. Семы «многоцветный», «светлый» и «оценка» закономерно входили в семантическую структуру цветоименования. Это позволяет нам судить о первичном предмете-эталоне. Цветовое пятно, рождающее цветовые и эстетические ощущения, было пестрым, многоцветным и сияло, разливалось светом. Семантический диапазон цветоименований, а также выделенные нами особо семы, позволяют предполагать, что таким предметом был огонь (эту гипотезу разделяют А.А.Потебня, Э.Бернекер, Н.Ф.Пелевина и другие исследователи). Вероятнее всего, что первое слово и не было цветоименованием в современном понимании. Это было название цвето-светового пятна, выделенного в природе. Позже, когда человеческий глаз вычленил в нем отдельные цветовые оттенки (а выделил он их, по нашему мнению, одновременно, поскольку оказался способным к цветовой дифференциации вообще), для их обозначения оставалось все то же слово. Так вследствие дифференциации цветового пятна и установления классификационной связи между семами возникли полисеманты. Оценочное восприятие предмета-эталона цветоименования (есть огонь – хорошо, так как

он греет, дает свет, охраняет от хищников; нет огня – плохо), как, впрочем, и любого другого предмета окружающего мира, уходит корнями в глубокое прошлое и объясняет развитие оценочных значений как у цветоименований, так и у родственных с ними слов: русск. диал. *голубец* «о дорогом, близком человеке (в причитаниях по умершим)», русск. диал. *желтая* (бран.) (*желтая, жалунница* – противная ругань, не бравая), *желтый* «несчастный, горемычный, злой», русск. диал. *золотой* «хороший, ясный (о погоде)», *золотой ручей* «ключ, родник, не замерзающий зимой», *золотой дождь* «своевременный, нужный, способствующий росту растений». В современном русском языке оценочные значения сохраняются, меняя свою актуализацию: *голубой* «идиллический (прекрасный)» (голубая мечта), *золотой* «счастливый, благоприятный», «прекрасный, замечательный», «дорогой, любимый», *желтый* «соглашательский, реформистский, предающий интересы рабочего класса»; *зеленый* «неопытный по молодости», *зеленая тоска* «чрезвычайная тоска». А.А.Потебня отмечает у лексемы *зеленый* иное оценочное значение: «...по родству со светом (золото и гореть) зеленый цвет должен бы иметь те же значения, что и свет; но значит только молодость, красоту и веселье»⁴. Интересно отметить, что цветообозначение *золотой*, как и *красный*, в истории русского языка развило широкий круг оценочных значений. В диахроническом поле с и.-е. корнем *g^hel: g^hol оценочность в русском языке широко актуализирована именно лексемой *золотой*.

Семантическая структура цветолексемогнатив, восходящих к и.-е. корню *g^hel: g^hol, свидетельствует о том, что древнейшим предметом-эталонем цветообозначения мог быть огонь. Он являлся одним из самых значимых предметов реального мира и радовал наших предков своей красотой. Позже, когда развилась способность к дифференциации, сравнению и сопоставлению, человеческий глаз стал соотносить выделенные в огне цветовые оттенки (а их было много: они включали цвет собственно огня, дыма и головешек) с цветом других предметов. В результате воз-

³ Вартанов А.В., Соколов Е.Н. Роль первой и второй сигнальных систем в соотношении семантического и перцептивного цветовых пространств // Журнал высшей нервной деятельности. – Москва: Наука, 1995. – Т. 45. – Вып. 2.

⁴ Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.

никают новые соответствия между цветом и предметом, прежний предмет-эталон подвергается забвению (хотя психолингвистический эксперимент А.П.Василевича прекрасно показывает нам, как на самом деле устойчивы образы в памяти людей, в языковой памяти, – человек даже не подозревает, как давно появилось то, что он, не задумываясь, воспроизводит), формируется новый предмет-эталон цветообозначения (иногда их много, мышление и глаз отбирают). Так, постепенно представление о голубом связывается с цветом неба (ср.: русск. *голубой* «светло-синий, лазоревый, ярко-небесного цвета» и польск. *niebieski* «голубой», нем. *himmelblau* «голубой»; зеленый цвет соотносится с цветом травы; желтый цвет соотносится с цветом солнца, золота, яичного желтка; золотой – с цветом золота.

На вопрос, почему цветолексема данного поля не вошла в традиционную триаду *белый – красный – черный*, мы отвечаем, что цветовые оттенки, обозначаемые ими, видимо, не были настолько яркими и важными, чтобы их актуализировать. Первоначально было важно цвето-световое пятно и его отсутствие. Важен был свет и связанный с ним цвет (в цветовом же пятне преобладал красный с его оттенками (рыжий, багровый, багряный, сиреневый и т.д.). Конечно, наши предки видели дым (зеленый цвет сначала выделялся как цвет дыма, чада – «пестрый, грязный»), головешки, золу, но это было не так важно. Важен был огонь, дающий свет, тепло, огонь, в котором преобладал красный цвет с его разнообразными оттенками. Голубой цвет, как показывает диалектный материал, мог выделиться как цвет пепла и головешек – сначала тлеющих, а потом потухших («серо-дымчатый с белым», «черный с белым серебристым», «пепельный», «сиреневый»). Слово *золотой*, видимо, рано актуализировало смысл «блестящий», поэтому и было соотнесено с цветом золота, слово *желтый* обозначало один из многочисленных оттенков (и не самый яркий) в общем красном пламени, а возможно, и просто светлый оттенок. Языковой материал позволяет предполагать, что первичная номинация разных цветовых оттенков была связана с цветовыми фрагментами одного и того же предмета реального мира, и лишь со временем предмет-эталон мог

меняться, что приводило к уточнению и абстрагированию цветового значения в слове.

Письменные источники и устное народное творчество отчетливо отражают активность исследуемых цветоименований и их семантику. О лексеме *голубой* у Н.Б.Бахилиной читаем: «... в древнерусских датированных памятниках прилагательное *голубой* находим не ранее XIV в. Значение прилагательного *голубой* для раннего периода определить довольно трудно»⁵. Исследовательница отмечает, что сначала слово употреблялось как название конской масти и только к XVIII в. сфера его употребления расширяется. Из неопределенно многозначного оно превращается в современное однозначное, называя «светло-синий» оттенок.

Слово *желтый* в памятниках XI – XII вв. «мало употребительно ... находим всего несколько примеров»⁶. Но в памятниках XVII в. группа желтого цвета представлена по существу одним словом с неограниченной сочетаемостью, являющимся абстрактным цветообозначением желтого цвета, – прилагательным *желтый*.

Группа зеленого цвета представлена в памятниках XI – XII вв. словом *зеленый*. Оно имеет уже неограниченную сочетаемость, но малоупотребительно. Значение его совпадает с современным.

Исследование Н.Б.Бахилиной показывает, что цветолексема *желтый* и *зеленый* довольно рано закрепились в современных значениях, слова мало употреблялись, иначе говоря, не были актуальными. Исследования Л.М.Грановской и М.А.Суровцовой⁷ ничего принципиально нового к анализу Н.Б.Бахилиной не добавляют. Интересным является лишь тот факт, что М.А.Суровцова, говоря о выражении цветовых значений в общеславянском языке, совсем не говорит о слове *голубой*, в то время как оно является единствен-

⁵ Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975.

⁶ Там же.

⁷ Грановская Л.М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVII – начале XVIII веков // Образование новой стилистики русского языка. – М.: Наука, 1964; Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – Вып. 8.

ным словом из исследуемого нами диахронического поля, сохранившим и.-е. корень без изменения.

А.М.Панченко, исследовавший цвет в древней литературе славян, отмечает, что «абсолютное большинство текстов, традиционно относимых к древнерусской художественной продукции, полностью или почти полностью лишено цвета»⁸, что ученый объясняет законами средневековой поэтики. На наш взгляд, это было связано также с неразвитостью образного потенциала цветообозначений. Доказательством этому служит поздний расцвет колоративной лексики в художественной литературе, где цветное слово органично входит в образную систему художественного произведения, становится важнейшим средством художественной выразительности – ярким, полифункциональным, очаровывающим. Полифункциональность колоративов отмечается уже в средневековой литературе. Истоками полифункциональности слов со значением цвета является историческая синкретичность их семантики: семы «цвет» и «свет», а также оценочные семы «прекрасный» и «безобразный», сливаясь, создавали яркий, насыщенный образ. У Л.М.Грановской читаем: «Русская литература, долгое время оставшаяся на начальной стадии передачи красочных ощущений», со второй половины XVIII века значительно расширяет круг эпитетов-цветообозначений, призванных стать одним из способов пластического изображения свойств и качеств предметов⁹. В самом «окрашенном» (Панченко) древнерусском произведении – «Слове о полку Игореве» – цветолексема анализируемого семантического поля представлены следующим образом: слов *голубой* и *желтый* нет, *зеленый* употреблено 3 раза, *золотой* же в южнославянской форме *златой* является самым употребительным (18 раз). Учитывая фольклорную основу «Слова», можно с уверенностью сказать, что отсутствие слов *голубой* и *желтый* в образной системе поэтиче-

ского шедевра древнерусской литературы обусловлено их недостаточной распространенностью в устном народном творчестве в устойчивых образных сочетаниях типа *красна девица*, *сине море*, *серый волк* и подобных. Цвет, обозначаемый ими, не был связан с чем-то особенным, важным, не был настолько ярким и красивым и не получил в сознании и душе наших предков отклика быть связанным с чем-то бóльшим, чем просто цвет (как это произошло со словами, называющими черный, белый, красный и другие цвета). Именно таким цветоименованием стало слово *золотой* (*златой*), так органично совместившее в себе цветное и оценочное значения (в этом его можно сравнить только со словом *красный*), что большинство исследователей и не относят его к группе цветообозначений, хотя оно таковым является. В русских загадках слово *золотой* реализует значение «блестящий» и является синонимом к слову *красный*:

Полный сусечек *золотых* яичек.
 Полный запечек *красных* яичек.
 Полная чаша *красных* ягод.
 Полна коробочка *золотых* воробышков.
 Полна курица с *золотыми* яйцами.
 (Угли в печи или в загнетке)

В «Слове» цветолексема *златой*, как мы уже упоминали, является центральной. Благодаря ей создается образ «*злата стола*» – символа мощи, доблести, единения. Автор призывает князей русских «*отня злата стола поблюсти*». Болью проникнуто «*злато слово*» великого Святослава, раскрывающее причины всех бед на Руси: «Нъ се зло – княже ми не пособие...». Выразительность образа «*злата стола*» достигается краткой формой. Все «*златое*» в тексте олицетворяет собой богатство и мощь русских князей (золотыми или позолоченными были только предметы княжеского обихода). На княжеской одежде было «*злато ожерелие*» («оплечье») – глубокий вырез ворота, обшитый золотом и драгоценными камнями. Боль, любовь, восхищение русскими князьями выражает автор, описывая смерть Изяслава, сына Василькова, который «изрони жемчужну душу изъ храбра ❖□* *чрьсь *злато ожерелие*». Лексема «*златой*» объединяет всю образную систему «Слова», одухотворяет ее, придает произведению глубокий смысл и патриотическое звучание.

⁸ Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – Т. 23: Литературные связи древних славян.

⁹ Грановская Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII – XX веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М.: 1964.

Слово *золотой* самое яркое среди цветообозначений-когнатов в данном диахроническом поле. Актуализируя значения «желтый» и «блестящий», развивая оценочные (причем положительные) значения, оно вошло в сокровищницу русской культуры. «По собственному значению и *золото* относится к свету. Оно одного происхождения с *зеленый* и носит постоянный эпитет *красного*, а потому есть символ красоты»¹⁰.

Материал устного народного творчества также подтверждает исконный синкретизм цветовой семантики исследуемых слов-когнатов и наличие в их семантической структуре оценочной семы. Исследователи фольклорных источников (А.А.Потебня, Т.А.Павлюченкова, Т.Е.Никулина и другие) отмечают диффузность фольклорного слова, т.е. специфическое его свойство одновременно отражать в своей семантике номинацию и оценку, реальное и символическое, историю, культуру и быт народа, «у прилагательных цветообозначения в процессе функционирования в текстах различных жанров русского фольклора частыми оказываются случаи значительного контекстного расширения структуры их значения»¹¹. Следует отметить, что оценочное значение присуще структуре слова, т.е. оно не «возникает» в фольклоре, а реализуется в нем, в его образной системе. Оно имманентно, а не контекстуально связано с цветовым значением. Так, в русских былинах лексема *желтый* реализует значение «красивый» в сочетании *желтые кудри*, *зеленый* реализует значение «лучший» в сочетании *зеленый сафьян*, а *голубой* – в сочетании *голубой кафтан*¹².

Интересны наблюдения Т.А.Павлюченковой о лексемах *желтый* и *зеленый*: «Символические значения не свойственны именам прилагательным лексико-семантических подгрупп желтого и зеленого цвета. Вероятно, это связано с тем, что все имена прилагательные лексико-семантической подгруппы со значением желтого цвета имеют ограничен-

ную сферу употребления (называют масти животных или цвет волос человека). Отсутствие символики у прилагательных со значением зеленого цвета можно объяснить тем, что эти прилагательные являются постоянной характеристикой предметов окружающего растительного мира»¹³.

В русских народных сказках (нами обследован сборник народных сказок А.Н.Афанасьева) цветоименования, восходящие к и.-е. корню *g^hel: g^hol, отражены следующим образом: самое употребительное из них *зеленый* (употребляется 65 раз), *золотой* (29), *желтый* (4), *голубой* (2). Семантика у этих слов в сказках современная. Отметим только, что из 29 употреблений лексемы *золотой* только в двух примерах слово реализует оценочное значение: «Ах, *золотой* мой!» («Вороватый мужик»), где *золотой* значит «дорогой», и «Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы *золотые*, голубые!» («Петух и жерновцы»), где *золотой* – «замечательный, приносящий благо, помощь, добро». В остальных (27) примерах слово реализует значение цвета – «блестяще-желтый» (*золотая* коса, *золотые* кудри, *золотые* гривы, *золотое* перо жар-птицы, *золотой* ковер, *златокрылая* щука, *златоперый* лещ, *золотые* узоры и т.д.)¹⁴. Важно отметить, что слово *золотой* по сути выполняет семантическую нагрузку слова *желтый*, семантическую функцию цветолексемы *голубой* выполняет лексема *синий*, употребленная в сказках 47 раз. Поэтому, объясняя малую употребительность слов *желтый* и *голубой*, можно говорить как о «невзрачности» древнего цветового образа, создаваемого этими словами, так и о вероятностной реализации изначально одинаковой семантики слов со значением цвета. Мы считаем оба объяснения равноценными и ни одному из них не отдаем предпочтения.

Существенно, что в сказках (как и в эксперименте А.П.Василевича) используются слова *цветной* «окрашенный, имеющий какой-нибудь цвет или цвета (кроме черного и белого)», «нарядный, красивый» (*цветное* платье, *цветной* лужок, *цветные* перышки).

¹⁰ Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.

¹¹ Никулина Т.Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1989.

¹² Павлюченкова Т.А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1984.

¹³ Там же.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 томах. – М.: Наука, 1984.

Образованное от *цветной* слово *самоцветный* в сказках употребляется в значении «всех цветов радуги» и «с красивой окраской» (*самоцветное* платье); *пестрый* имеет значение «с окраской нескольких разных цветов» (*пестрый* бык, *пестрая* оса, *пестро* яичко); *пегий* используется как синоним к слову *пестрый* (*пегонья* лошаденка, *пегая* лошадь); *рябой* – «с пятнами другого цвета на основном фоне, пестрый» (*рябенькая* (о лошади)). Мы особо выделяем эти слова, относя их к цветообозначениям, так как они являются неотъемлемой частью цветового представления. Они реализуют значения «цвет», «пестрый», «красивый», приоткрывая нам доступ к тому, что давным-давно мыслилось как «сам цвет», от которого и «пошли» все остальные цвета.

Итак, данные родственных языков и их говоров, а также данные письменных источников и устного народного творчества позволяют говорить о древней многозначности цветолексем с и.-е. корнем *g^hel: g^hol (больше всего древнее семантическое состояние цветных слов сохранилось в говорах), четко выделяя набор цветных сем в семантической синкрете, который дополняется семами «пестрый», «светлый, блестящий» и «оценка». Реконструированная историческая синкрета позволяет предполагать, что предметом-эталоном цветоименования был огонь (костер, очаг). Все цветолексеми изучаемого се-

мантического поля сохранились в современном русском языке. Судьба цветового локуса: слова *голубой* – *зеленый* – *желтый* не изменяли цветовое значение с XI века; слово *голубой* – семантический архаизм, актуализирующий значение «светло-синий»; *золотой* широко актуализирует оценочное значение и цветовое «блестяще-желтый». Лексеми *зеленый*, *желтый*, *голубой* входят в систему абстрактных цветообозначений русского языка, занимая в соответствующих лексико-семантических группах доминантное положение. Валентность цветолексем изменяется в соответствии с распадом исторической многозначности и приобретением статуса абстрактных. С одной стороны, она редуцируется, т. к. слово перестает обозначать «цвет вообще» и начинает обозначать конкретный цветовой оттенок (*голубые* лошади, коровы, куры «уходят» в прошлое), с другой стороны, она расширяется за счет абстрагирования цветового оттенка (цветолексема может сочетаться с любым словом, если оно обозначает предмет, имеющий конкретный цвет (голубое небо, платье, пальто, блюдо)). Происходит качественное преобразование валентности за счет абстрагирования цветового значения, но, как показывают языковые факты, цветовое слово сохраняет широкую сочетаемость на разных этапах эволюции.

A COLOUR MICROSYSTEM WITH AN INDO-EUROPEAN ROOT *G^hEL: G^hOL

© 2008 S.V.Kezina

Penza state pedagogical university named after V.G.Belinsky

Studying of colour lexemes in a diachronic system allows to expose the main stages and peculiarities of their evolution: all colour names develop syncretic meanings in language history; colour syncretis disintegrate and meanings picked out of them are actualized differently in cognate languages; colour lexemes develop estimation meanings of polar character; historical polysemy determines valency of words with colour meaning.